

Ветер с моря в Праге

В пражском Доме национальных меньшинств состоялась презентация двух новых книг Евгения Деменка, изданных в 2020 году. «Свежий ветер с моря. Записки одесского путешественника» вышла из печати в издательстве «Фолио» в июле. А весной московское издательство «Молодая Гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» подготовило и выпустило в свет двухтысячным тиражом том «Давид Бурлюк: Инстинкт эстетического самосохранения».

Одессит Евгений Деменок живёт сейчас в Праге, но, как истинный патриот, ведёт активную просветительскую и общественную деятельность в своей родной Одессе. Один из создателей литературной студии «Зелёная лампа» при Всемирном клубе одесситов, Евгений является членом Президентского Совета ВКО. При его участии прошёл «Форум одесской интеллигенции». Выступает и как инициатор: по его инициативе в Одессе установлены мемориальные доски деятелям литературы и искусства – Юрию Олеше, Кириаку Костанди, Михаилу Врубелю, Алексею Кручёных, Давиду Бурлюку.

Необычный формат презентации двух, на первый взгляд, различных по жанру сочинений, предложенный Деменком, объясняется очевидным совпадением авторских интересов. Это два увлечения – путешествия и искусство. Евгений часто путешествует, а, живя в Праге и будучи знатоком искусства, он не мог не заинтересоваться семьей Давида Бурлюка, в частности, его младшими сестрами Марианной и Людмилой, которые волею обстоятельств тоже оказались в

чешской столице. Ещё в 2013 году на основе документов из их семейного архива он написал книгу «Новое о Бурлюках». Книга нашла отклик у читающей публики, и логичным образом, как продолжение темы, вышла его работа о самом Давиде Бурлюке: о жизни в разных странах, о приездах в Прагу, о путешествиях.

«Меня часто спрашивают – почему Бурлюк?» – сказал Евгений в начале презентации. «Во-первых, величина его масштаба остаётся до сих пор не понятой. Даже если не принимать во внимание почти 20 тысяч написанных им полотен и тысячи стихотворений, он сделал для развития русского и украинского авангарда столько, что диву даёшься. Он открыл Маяковского как поэта. Именно он дал Алексею Кручёных идею для написания самого знаменитого его стихотворения, «Дыр булл щыл». Именно он издал первый том сочинений В.Хлебникова. Именно он с Михаилом Ларионовым организовал самую первую в истории русского авангарда выставку «Венок-Стефанос».

Во-вторых, биография Бурлюка до конца не была изучена и описана. За свои неполные восемьдесят пять лет жизни он успел пожить и прославиться в трёх странах: России, Японии и Америке. И никто ещё не сводил в одной книге все детали его биографии.

Ну, а в-третьих, у меня оказалось немало никем ещё не изученных и описанных документов из архива его сестёр. Более сотни писем, его дневники, стихи, журналы... А писать, будучи первооткрывателем, очень интересно».

Конечно, личность Давида Бурлюка, его творческое влияние и наследие неоднократно привлекало внимание общественности. В ряду значимых работ стоит упомянуть, в первую очередь, книгу о Бурлюке и русских футуристах его сподвижника Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец». Затем в 1944 году в США была опубликована первая монография о Бурлюке, написанная известным коллекционером Катрин Дрейер. А недавно в России издан альбом Владимира Полякова «Художник Давид Бурлюк». Во всех работах, безусловно, есть и биографические данные, и исследования о художественных или поэтических достоинствах произведений футуриста Давида Бурлюка. Но основным мотивом, которым руководствовался Евгений Деменок, было желание написать прежде всего о нём самом, о его семье, ввести в научный оборот его письма, дневники, рукописи, то есть ту информацию, которая раньше не публиковалась. И это ему блестяще удалось.

Рассказывая о работе над данной книгой, автор подчеркнул, что Давид Бурлюк смог стать успешным, несмотря на все жизненные коллизии и перипетии. Его энергии и предприимчивости, умению находить таланты, его любви к искусству можно только позавидовать. Сначала – знаменитое турне кубофутуристов, затем – «Большое сибирское турне». Покорение Японии – там он дал толчок развитию японского футуризма. И вновь испытание – Америка, огромная, не готовая ещё принять новое искусство. Двадцать лет понадобилось

Давиду Давидовичу, чтобы покорить и её.

Когда Бурлюк в 1922 году уезжал – как оказалось, навсегда – в Америку, он думал, что и эта страна примет его с распростертыми объятиями. Но ему понадобилось долгих двадцать лет, чтобы добиться признания. Пришлось начать всё с нуля, бороться за выживание – иногда даже нечем было платить за жильё. Но природное трудолюбие, талант и умение организовать жизнь вокруг себя позволили ему достичь успеха. Его картины приобретали американские знаменитости, такие, как Гершвин; он активно общался с Генри Миллером, Роузэллом Кентом, сотрудничал с ведущими галереями. Бурлюк нащупал то, что оказалось интересным американцам – это было в первую очередь наивное искусство. Достигнув благополучия и став успешным в Америке, Давид Бурлюк жаждал признания и на родине. Он переживал болезненно тот факт, что его недостаточно знают в Советском Союзе. И хотя ему довелось побывать в СССР дважды, в 1956 и 1965 году, никто и не подумал вернуть ему его работы из запасников музеев, которые он сам никогда туда не отдавал. Его стихи не публиковались, на родине никто не обирался популяризировать его творчество.

Давид Бурлюк прожил долгую жизнь, она была соткана из взлётов и падений, но всегда была насыщена и творчеством, и путешествиями. Когда-то они с Владимиром Маяковским сговорились, что совершат кругосветное путешествие. Давид Давидович свое обещание выполнил, свою кругосветку

он совершил в 80 лет.

Об этом и многом другом рассказывает в своей книге Евгений Деменок. Так же, как его герой, он любит путешествовать и рассказывает об этом читателям в своей книге «Свежий ветер с моря». Вы бывали в Австрии, в Греции, в Италии? А в Никарагуа или в Коста-Рике? Сопоставьте свои впечатления с впечатлениями Евгения Деменка. Я уверена, что пытливый читатель и путешественник все равно найдет в его путевых заметках нечто новое и интересное, то, что сам мог вовремя не заметить. Вам откроется возможность вместе с автором побывать в четырнадцати странах. Не сомневаюсь, что взгляд знатока искусств, любознательного коллекционера свежих знаний Евгения Деменка никогда не будет лишним.

И в заключение замечу: Евгений Деменок в 2018 году стал лауреатом премии Международной ассоциации имени отца русского футуризма Давида Бурлюка, учрежденной в 1990 году Академией Зауми. Премия присуждается ежегодно за достижения в области современного авангардного творчества, а также за исследования об историческом и современном авангарде и популяризацию направления.

Прочтите его книги. Они о сложном, но написаны просто и доступно и будут интересны широкому кругу читателей. А для кого-то, может быть, послужат стимулом узнать больше о русском авангарде, об «отце российского футуризма», или станут поводом для занимательного путешествия по городам и странам.

Линаида ДАВЫДОВА,
историк.

Код доступа

33 морских камушка. Ровно столько было раннеутренних летних заплывов на любимом пляже на 12-й станции Фонтана в этом году. За три года, с тех пор, как мне все-таки удалось преодолеть лень и научиться встречать утро на море, которое в Одессе всегда рядом, все стало родным и привычным в этом удивительном месте, где, доплыв до волнореза, ты видишь, освещенные ласковым утренним солнцем, золотисто-розовые купола. По левую руку – купола Свято-Успенского мужского монастыря, по правую руку – купол храма Марии Магдалины на 9-й станции.

А когда поднимаешься на Большую Фонтанскую дорогу, то выходишь к барельефу Анны Ахматовой. Здесь, где-то в глубине аллеи стоял дом, в котором родилась Анна Горенко. Я привычно притрагиваюсь к холодной мраморной руке и всегда теплому ее плечу, умываю Анну влажными салфетками, стирая уличную пыль и паутину, повторяю про себя строчки Марины Цветаевой: «... В утренний сонный час, кажется, четверть пятого, я полюбила Вас, Анна Ахматова» (естественно, я приходила сюда совсем не в четверть пятого, а часа на три позже).

Иногда я безмолвным шепотом тщеславно пристраивалась к ее страданному: «Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо и молиться Богу...». Радуюсь возле каменной Анны обнадеживающим

изменениям: ей стали чаще приносить цветы, и я не одна теперь летом «дежурю по Анне», кто-то тоже стал отирать пыль и паутину с ее лика.

И, как все одесситы, не могу сдерживать гнева от других изменений: склоны застраиваются уродливыми многоэтажками (и дело тут не в эстетике этих, с позволения сказать, сооружений, а в том, что здесь они предельно уродливы и неуместны. И не будет счастья, покоя, радости тем, кто рискнет стать их обитателями).

Летние утренние купания стали привычны как воздух, как глоток воды, как солнечный свет. Привычно уплываю далеко-далеко, на что мои знакомые – тоже раннеутренние купальщицы, мирно плещущиеся возле берега и изошряющиеся в йогоской гимнастике, так же привычно спрашивают: ну как там, в Турции?

А я в своей благословенной Турции, начинающей прямо за волнорезом, читаю вслух любимые стихи и «ору» любимые песни, не страдая от отсутствия слуха и голоса, оставляя право на страдания от моих неблагоприятных музыкальных экзерсисов чайкам, бакланам и, конечно же, восхитительной красоты медузам. От последних пару раз получала за это обжигающие, охлаждающие мой пыл, но не очень опасные ожоги.

Было удивительное впечатление, когда мое утреннее купание совпало с начавшимся еще накануне вечером

фестивалем танго. Танго продолжало звучать утром на весь пляж, я теперь не сомневаюсь, что танго как никакая другая музыка идет морскому побережью. Я могла подплыть близко-близко к белому павильону, который каждое лето возводят на причале пляжа, и видеть танцующие пары в полном конкурсном вооружении. Как не почувствовать себя андерсеновской Русалочкой, замороженно заглядевшейся в мир людей.

А вот самое яркое, пронзительное впечатление. В одно туманное утро я «потеряла» мои купола монастырского собора, которые всегда так ярко видны и освещены утренними лучами. А тут как будто кто-то резинкой стер, кто-то бесконечно любимый и близкий закрыл доступ к своей страннице, если говорить привычным нам сегодня языком. Я испугалась

не на шутку и стала вглядываться изо всех сил, пыталась что-то сделать с глазами, снова научить их видеть. Туман пощадил меня и как-то визуально намекнул на то, что купола не пропали, показались смутные силуэты, которые постепенно становились все отчетливее. И я снова смогла дышать и плавать. Снова смогла жить. Подумалось, что доступ не закрыт, а ограничен, ограничен не кем-то, а мной самой, собственными иллюзиями, туманами, тщеславием и еще массой всего ненужного и натужного.

И не мне знать, откроется ли когда-нибудь Код доступа... А пока с благодарностью за все щедрые дары этого лета кидаю свои 33 камушка в лето следующее.

Инна ГОЛУБОВИЧ,
профессор,
доктор философских наук